

НОРМА В РЯДУ КАТЕГОРИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

О.А. Турбина

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Рассмотрена языковая норма как категория языкового сознания. Статья входит в серию публикаций автора, посвященных теоретическому анализу структуры, форм, функционирования и содержания национального языкового сознания.

Ключевые слова: национальное языковое сознание, категория, система, норма, речь, узус, национальный литературный язык.

Отечественная лингвистика, которая, по мнению некоторых ученых, в последней четверти XX века вступила в «предметный кризис» [12, с. 250], в поисках свежих идей и под влиянием активно развивающегося в зарубежном языкознании когнитивного направления, рывком освободившись от советских оков материализма, в начале 90-х прошлого столетия обратила свой взор на запретный для нее до сей поры плод – языковое сознание. Период ознаменовался зарождением отечественной когнитивной лингвистики, представители которой посвящают свои исследования анализу формирования и структуры коллективного языкового сознания.

Однако для зарубежной лингвистики объект далеко не нов. Еще в начале XX века известный французский лингвист Г. Гийом (1883–1960), вице-президент Парижского лингвистического общества, основатель нового и оригинального направления – психосистематики, чьи заслуги в области лингвистики получили высокую оценку Французской академии, начал изучать ментальный аспект речевой деятельности. Это он ввел в лингвистический понятийный аппарат такие термины как *психосемиология*, *психомеханизмы*, *психогения*, *мысленное видение/высказывание* (*le visible/le dicible*), *мышление молчаливое/общее/человеческое* (*pensée silencieuse/ commune/humaine*), *актуализация*, *виртуализация*, *экстериоризация*, *интериоризация* и т. д., описывая, по сути, систему и принципы функционирования языкового сознания (*l'esprit*) [3, с. 20–21; с. 148; с. 161]. Г. Гийом настаивал на том, что именно природная потребность человека к когнитии, механизмы которой обусловлены способностью мысли абстрагироваться, выдвигает язык в этом процессе на первый план. Следовательно, изучение структуры языкового сознания – путь высокой степени теоретический, хотя и не исключает использования экспериментальных методов и непосредственных наблюдений за речевой деятельностью [9].

В самом общем смысле сознание есть осознание бытия [13, с. 213], но в разных гуманитарных науках объем этого понятия варьируется в зависимости от понятийного тезауруса, в котором оно используется. В социологии антонимом сознательности выступает

стихийность, в психологии (особенно в психоанализе) сознание противопоставлено бессознательным процессам или неосознанному содержанию восприятия, памяти, мышления, творчества. Принцип системности, выдвинутый на первый план Г. Гийомом, Ф. де Соссюром и признанный большинством современных исследователей речемыслительной деятельности, в отличие от психоаналитического рассмотрения объекта, определяет бессознательное не как самостоятельную психологическую реальность, противоречащую сознанию, а как «нижележащие уровни сознания, характеризующиеся меньшей расчлененностью и рефлексивностью» [7, с. 4]. При системном подходе язык (= *периферическая система фиксации всего потенциально мыслимого*) и языковое сознание (= *языковая форма всего потенциально сознаваемого*) рассматриваются как неотъемлемые составляющие, как подсистемы в системе сознания, в силу чего должны отвечать общим принципам устройства всей системы. Язык в этой системе – это основной способ, причина и условие существования разума и разумной деятельности в целом.

Сознание в целом и языковое сознание в частности обладает свойством концептуальности, подчиняющемся фундаментальному принципу человеческой когнитии – категоризации универсума. При этом сама категоризация может оставаться (а в обыденном сознании дело обстоит по большей части именно так) неосознанной. Здесь необходимо особо подчеркнуть, что этот процесс имеет онтологический статус и определяет структуру и содержание языкового сознания, творящего систему языка, в которой неосознанная категоризация кодируется языковыми единицами и структурами. Причем чем выше степень категоризации, тем менее она осознается, и тем глубже она проникает в систему языка, эксплицируясь, казалось бы, в полной мере отвлеченных от структур реального мира грамматических формах и конструкциях*. Следовательно, без глубокого знания (= пони-

*Это положение вынуждает нас не согласиться с учеными, отрицающими возможность отражения картины мира в грамматических явлениях, в грамматике языка (см., напр. [9, с. 73–74]).

мания) системы языка невозможно ни понимание того, что происходит в речи, ни тем более того, как организовано языковое сознание.

Национальное языковое сознание складывается по мере развития национального языка. Оно охватывает обширную область национального общественного сознания и представляет собой специфический, основанный на интерпретации, способ отражения универсума и формируется в процессе речевой деятельности (языкового бытия) на основе единства когнитивно-психических процессов, посредством которых осуществляется осмысление человеком объективного мира и своего бытия в нем.

Как уже было отмечено, фундаментальным принципом человеческой когниции является категоризация, чем определяется структура и самого языкового сознания, формирующаяся совокупностью категорий разного уровня. Эти категории по своему характеру делятся на онтологические, обращенные в мир, и непосредственно соотносимые с речевым поведением. К наиболее общим онтологическим категориям, различным образом выражающимся в системах конкретных языков, относятся категории материи, пространства, движения, причинности, случайности, возможности, необходимости и все семантические категории. Речеобразующие категории национального языкового сознания формируются в процессе речевой деятельности языкового коллектива (языкового бытия и языкового мышления) и составляют основу и необходимое условие жизни языка. Наиважнейшими из них являются *система языка*, *узус*, или система речи и *норма* [11].

Понятие языковой нормы в современной лингвистике является наиболее дискутируемым и ключевым в парадигме перечисленных категорий, ибо в зависимости от того, как представлен объем этого понятия в той или иной лингвистической концепции, зависит представление понятий системы и узуса.

Долгое время в лингвистике было общепринятым прозвучавшее в 1647 г. из уст Кл. Вожла известное определение «хорошего узуса», признанное Французской Академией в качестве определения языковой нормы. «Хороший узус» по определению Кл. Вожла – это речь образованных и приближенных ко Двору людей, выдающихся писателей и учителей языка, подчиненная единым правилам: «Стремиться нужно к тому, чтобы писать так, как говорят», – пишет Вожла [14, с. 23].

Разработка понятия нормы возобновляется лишь после публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра (1916 г.): предложенная ученым дихотомия *«язык-речь»* вдохновила лингвистов на изучение нормы как самостоятельной лингвистической реалии.

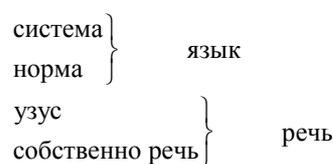
Л. Ельмслев, разрабатывая теорию Соссюра, предложил изменить противопоставление *«язык-речь»* дихотомией *«схема-узус»*. При этом схема определяется как независимая от материальной ре-

ализации, но способная реализоваться через узус, форма – чистая форма. На этом основании она противопоставляется норме, узусу и индивидуальным речевым актам как разным аспектам языковых реализаций. Узус в трактовке Л. Ельмслева выступает как совокупность навыков – понятие абстрактное, конкретизируемое актом речи. Норма же материальной реализации не имеет и поэтому в дихотомию *«схема-узус»* не включается [4, с. 65].

Э. Косериу разработал свой вариант усовершенствования предложенной Соссюром дихотомии *«язык-речь»*. Он заменил ее триадой *«система-норма-речь»*. Система по Косериу – это то, что можно говорить – «система возможностей», норма – это то, как следует говорить – «система обязательных реализаций», а речь – то, что говорится – «функция системы, система в действии» [6, с. 169–174]. Понятие системы в такой трактовке отражает структурный потенциал системы, норма и речь – реализацию системы, причем норма реализует систему в правильных, лишенных эмоциональной нагрузки образцах. Речь, следовательно, выступает по отношению к норме как понятие более широкое.

В отечественном языкознании норма трактуется по-разному, в зависимости от подхода автора и от того, что именно вкладывается в понятие нормы. В одних концепциях норма рассматривается как совокупность образцовых общеупотребительных и общепринятых форм и конструкций (О.И. Ожегов, Ф.П. Филин, В.А. Ицкович и др.). В данном случае норма очерчивается конкретным материалом и, по сути, понимается как определенная часть узуса; остальная часть узуса представлена некорректными и нетрадиционными употреблениями. С другой стороны, норма трактуется как понятие абстрактное, как свод правил употребления (Б.Н. Головин, Г.В. Степанов, В.Г. Гак). В этом случае норма выступает как часть системы.

В силу действительного характера нормы в ряде концепций она трактуется и в более широком смысле, объединяя оба вышеупомянутых понятия [2, с. 270–271]. При этом норма подразделяется на аспекты или уровни: выделяется норма на уровне языка (внутренний аспект) и норма на уровне речи (внешний аспект) – «норма языка – норма речи» (К.С. Горбачевич), «норма-узус» (П.М. Алексеев), «аксиологическая – объективная норма» (Г.В. Степанов), «норма системы – норма структуры» (В.А. Ицкович). В частности, П.М. Алексеев [1, с. 46–47] в соответствии со своей концепцией нормы дихотомию Соссюра представляет следующим образом:

Наконец, норма рассматривается как абсолютная абстракция, существующая в сознании языкового коллектива как «свод знаний о языке» [5, с. 145]. В этом случае за основу принимается регламентирующая функция нормы и в соответствии с этим она определяется как *«регламентирующий контекст»* [8, с. 113]. Именно такая трактовка нормы представляет ее как *категорию языкового сознания* в ряду таких категорий как *система языка* и *узус*.

Система языка, как категория национального языкового сознания, являет собой систему потенциальных возможностей данного языкового коллектива для осуществления речевого поведения. *Узус* – это функция системы, результат которой определяется речевой ситуацией, охватывающей как субъективные, так и объективные аспекты момента актуализации. Для понимания роли этой функции (узуса как категории языкового сознания) важно то, что ее результат выявляется и в конкретных речевых реализациях, и в системе языка.

Отношения между системой и узусом имеют сложный диалектический характер. Система в целом имеет ретроспективный, а узус – проспективный характер: «используя» систему, узус «изнашивает» и расшатывает ее. Организующим и регламентирующим фактором в этих отношениях является норма, ибо именно она сдерживает деструктивную функцию узуса и превращает ее в конструктивную силу для системы. При этом сама норма имеет динамический характер, развиваясь по мере эволюции языка.

Следовательно, норма это то, что удерживает всю систему отношений в равновесии, обеспечивая стабильность системе языка. Как категория языкового сознания она может быть охарактеризована как объективная оперативная установка, опирающаяся на ядро архетипа системы языка. Под ядром в данном случае понимается совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций системы, отобранных и закрепленных языковой памятью в процессе речевой деятельности.

Особое значение категория нормы приобретает в период и в процессе формирования национального литературного языка, когда ее регламентирующая функция заметно возрастает в силу обострения потребности в унификации и кодификации грамматических форм и конструкций, а также в силу необходимости сдерживать стихийные порывы языкового творчества, стимул к которому пробуждается в результате осознания роли национального языка в историко-культурном становлении нации. Вспомним в этой связи уже прозвучавшую выше цитату из «Заметок о французском языке» Кл. Вожла, составленных в период активного формирования французского литературного языка: «Стремиться нужно к тому, чтобы писать так, как говорят». И вспомним великое литературное наследие А.С. Пушкина, определившее качественный сдвиг в процессе формирования современного русского литературного языка. Будучи высоко образованным человеком, он, возможно, и

был знаком с концепцией языковой нормы Кл. Вожла, но гораздо более вероятно то, что, обладая выдающимся литературным талантом и тонким чутьем языка, А.С. Пушкин являет собой яркий пример носителя зрелого национального языкового сознания с развитыми его формами, коими являются – языковая интуиция, языковое знание, языковая политика и языковое творчество. Именно эта зрелость и определила гениальность его произведений: интуитивно следуя сложившейся в его языковом сознании национальной языковой норме, А.С.Пушкин сблизил письменную и разговорную речь – писал так, как говорят.

Литература

1. Алексеев, П.М. Квантитативные аспекты речевой деятельности / П.М. Алексеев // *Языковая норма и статистика*. – М.: Наука, 1977. – С. 43–58.
2. Ахманова, О.С. *Словарь лингвистических терминов* / О.С. Ахманова. – М.: Наука, 1977. – С. 270–271.
3. Гийом, Г. *Принципы теоретической лингвистики* / Г. Гийом. – М., 1992. – 224 с.
4. Ельмслев, Л. *Язык и речь* / Л. Ельмслев // В.А. Звегинцев. *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. – М.: Просвещение, 1960. – Ч. II.
5. Золотова, Г.А. *О характере нормы в синтаксисе* / Г.А. Золотова // *Синтаксис и норма*. – М.: Наука, 1974. – С. 145–175.
6. Косериу, Э. *Синхрония, диахрония и история* / Э. Косериу // *Новое в лингвистике*. Вып. 3. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – С. 143–343.
7. Петренко, В.Ф. *Психосемантика сознания* / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1988.
8. Скрелина, Л.М. *К вопросу о взаимодействии системы и нормы в ситуации многоязычия* / Л.М. Скрелина. // *Романо-германские языки и диалекты единого ареала*. – Л.: ЛГПИ, 1977. – С. 111–127.
9. Телия, В.Н. *О специфике отображения мира психики и знания в языке* / В.Н. Телия // *Сущность, развитие и функции языка*. – М.: Наука, 1987. – С. 65–74.
10. Турбина, О.А. *Структура национального языкового сознания. Язык. Культура. Образование: моногр.* / О.А. Турбина; под общ. ред. Е.В. Харченко. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. – С. 5–19.
11. Турбина, О.А. *Языковое сознание как объект лингвистической науки. Человек и его язык. Материалы XVI Международной конференции научной школы-семинара им. Л.М. Скрелиной. Санкт-Петербург, 25–27 сентября 2013 г.* / О.А. Турбина. – СПб.: Издательско-Торговый дом «СКИФИЯ», 2013. – С. 92–96.
12. Уфимцева, Н.В. *Языковое сознание: динамика и вариативность* / Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 251 с.
13. Филатов, В.П. *Научное познание и мир человека* / В.П. Филатов. – М.: Политиздат, 1989.
14. Vaugelas, Cl. *Remarques sur la langue française (extraits)*. Publ. et comm. de René Lagane / Cl. Vaugelas. – P.: Larousse, 1969.

Ольга Александровна Турбина, доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), toa371@mail.ru

Поступила в редакцию 30 мая 2015 г.

STANDARD LANGUAGE AS A CATEGORY OF NATIONAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

O.A. Turbina, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, toa@susu.ac.ru.

The author dwells upon standard language as a category of national language consciousness. The present paper is one of the author's series of articles devoted to theoretical analysis of the structure, form, function and content of national language consciousness.

Keywords: national language consciousness, category, system, standard language, speech, usage, national literary language.

References

1. Alekseev P.M. Kvantitativnye aspekty rechevoy deyatelnosti [Quantitative Aspects of Speech Activity] *Yazykovaya norma i statistika*. Moscow, Nauka, 1977, pp. 43–58.
2. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms] Moscow, Nauka, 1977, pp. 270–271.
3. Giyom G. *Printsiipy teoreticheskoy lingvistiki* [The Principles of Theoretical Linguistics] Moscow, 1992, 224 p.
4. El'mslev L. Yazyk i rech' [Language and Speech]. Ed. Zvegintsev V.A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Ch. II. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1960.
5. Zolotova G.A. O kharaktere normy v sintaksise [The Nature of the Rules of Syntax]. *Sintaksis i norma*. Moscow, Nauka, 1974, pp. 145–175.
6. Koseriu E. Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya [Synchrony, Diachronic and History] *Novoe v lingvistike. Vyp.3*. Moscow, Izd-vo inostr. lit-ry, 1963, pp. 143–343.
7. Petrenko V.F. *Psikhosemantika soznaniya* [Psychosemantics of Consciousness] Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1988.
8. Skrelina L.M. K voprosu o vzaimodeystvii sistemy i normy v situatsii mnogoyazychiya [On the Question of the Interaction of Systems and Standards in a Situation of Multilingualism]. *Romano-germanskie yazyki i dialekty edinogo areala*. Leningrad, LGPI Publ., 1977, pp. 111–127.
9. Teliya V.N. O spetsifike otobrazheniya mira psikhiki i znaniya v yazyke. [On the Specifics of the Display World Mentality and Knowledge of Language]. *Sushchnost', razvitie i funktsii yazyka*. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 65–74.
10. Turbina O.A. Struktura natsional'nogo yazykovogo soznaniya [Structure of the National Language Consciousness]. *Yazyk. Kul'tura. Obrazovanie: monografiya*. Ed. E.V. Kharchenko. Chelyabinsk, South Ural St. Univ. Publ., 2008, pp. 5–19.
11. Turbina O.A. Yazykovoe soznanie kak ob"ekt lingvisticheskoy nauki [Language Consciousness as an Object of Linguistics]. *Chelovek i ego yazyk. Materialy XVI Mezhdunarodnoy konferentsii nauchnoy shkoly-seminara imeni L.M. Skrelinoy. Sank-Peterburg, 25-27 sentyabrya 2013g.* St.Peterburg, SKIFIYa Publ., 2013, pp. 92–96.
12. Ufimtseva N.V. *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Language Consciousness: the Dynamics and Variability]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2011, 251 p.
13. Filatov V.P. *Nauchnoe poznanie i mir cheloveka* [Scientific Knowledge and the Human World]. Moscow, Politizdat Publ., 1989.
14. Vaugelas Cl. *Remarques sur la langue française (extraits)*. Publ. et comm. de René Lagane. P.: Larousse, 1969.

Olga A. Turbina, Ph.D., professor, head of the General Linguistics Department, South Ural State University (Chelyabinsk), toa@susu.ac.ru.

Received 30 May 2015

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Турбина, О.А. Норма в ряду категорий национального языкового сознания / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 3. – С. 50–53.

FOR CITATION

Turbina O.A. Standard Language as a Category of National Language Consciousness. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 3, pp. 50–53. (in Russ.)